

В пятницу утром во время урока чтения Ли Тан был рассеян, его мысли были заняты мыслями о тетради по английскому языку.

Прошло два дня, и Цзян Лу, похоже, забыл о ней и до сих пор не вернул ее.

Не то чтобы тетрада была особенно ценной, в конце концов, это было только начало семестра, и он исписал всего одну страницу. Почерк у него тоже был неаккуратный, вряд ли он мог бы им похвастаться. Если бы Ли Тан не застал его врасплох, когда он украдкой подглядывал, и не впал в панику, он бы ни за что не отдал его так легко.

Он взглянул на Цзян Лу, тот все еще спал, лежа на левом боку, с выставленным правым ухом, плотно закрытыми глазами и прямой переносицей.

Во сне он выглядел поистине кротким и безобидным. Хотя обычно на его лице играла улыбка, в нем всегда было нечто совершенно иное, словно в чистом белом облаке, скрывающем темное течение, словно надвигающаяся буря посреди ясного неба – противоречивое сочетание крайностей.

Ли Тан не смог удержаться и украдкой бросил еще несколько взглядов, думая, что попросит вернуть тетрадь во время перерыва.

Однако,

После первого урока учитель Лю вызвал Цзян Лу, чтобы тот раздал классу учебные материалы. Во время долгой перемены после второго урока учитель английского языка решил распределить обязанности.

— За неделю учебы все уже познакомились. Давайте выберем представителя нашего класса.

Ранее домашнее задание по английскому языку собирал и раздавал староста класса, из-за чего ученики решили, что учитель английского языка забыл о назначении представителя.

Быть представителем класса в старших классах было непростой задачей, особенно в классе английского языка. Им приходилось не только собирать и раздавать домашние задания, но и контролировать утренние чтения, когда учитель отсутствовал.

Поэтому никто не горел желанием взять на себя эту роль. После довольно долгого ожидания лишь несколько человек нерешительно подняли руки, явно под бдительным оком учителя английского.

Ли Тан огляделся, его руки, лежащие на столе, невольно сплелись.

Он искренне хотел поднять руку.

В то утро, перед тем как уйти из дома, его мать, Чжан Чжаоюэ, спустилась вниз, чтобы позавтракать с ним, и спросила, как он адаптируется к новой школе.

Ли Тан, долгое время не получавший от матери особого внимания, неожиданно почувствовал себя польщенным. Он тут же ответил, что хорошо адаптируется, что учителя и одноклассники дружелюбны, а уровень образования не уступает уровню столичной международной школы.

Выражение лица Чжан Чжаоюэ слегка смягчилось.

— Старшая школа № 1 здесь, в Сюйчэне, все еще довольно хороша; я сама ее окончила.

Она также рассказала Ли Тану, что в течение трех лет была представителем класса английского языка в средней школе № 1 Сюйчэна.

Ли Тан подумал, что если он тоже станет представителем класса на уроках английского языка, его мать, возможно, будет довольна.

Но он был застенчив, и когда ему что-то было нужно, кто-то всегда находил способ ему это дать. Он никогда ни за что не боролся сам.

Это колебание заставило преподавателя английского языка принять решение:

— Тогда вы трое приходите ко мне в кабинет позже...

Прежде чем она успела договорить, Ли Тан услышал, как человек рядом с ним внезапно заговорил:

— Учитель, Ли Тан тоже хочет участвовать в выборах.

Цзян Лу подпер подбородок рукой, его сонные глаза слегка прищурились, но голос был необычайно четким.

— У него превосходный английский, могу за это поручиться.

Как только Цзян Лу проснулся, последняя парта четвертого ряда в первом классе снова стала местом сбора.

На перемене после третьего урока Хо Сичэнь сидел на подоконнике, скрестив ноги, и громко ругал Цзян Лу за недостаток преданности.

— У меня тоже неплохие оценки по английскому, почему ты меня не записал?

Цзян Лу рассмеялся.

— Если бы ты хотел быть представителем класса, ты бы сам поднял руку. Зачем мне помогать?

— Это совсем другое дело, — сказал театрально Хо Сичэнь. — Хм, мужчины непостоянны, меняют свое мнение быстрее, чем успевают перевернуть страницу книги!

Окружающие мальчишки делали знаки, изображая рвоту, а один из них сказал:

— Если я правильно помню, вы двое познакомились только летом, когда нас разделили на классы.

Хо Сичэнь возразил:

— Все еще дольше, чем с переведенным учеником.

...

Ли Тан лежал на столе, притворяясь спящим, словно не мог вынести ничьего присутствия, мысли кружились в его голове. В один момент он задумался, откуда Цзян Лу узнал, что он хочет быть представителем класса. В следующий — о том, как классный руководитель, похоже, ничуть не преувеличивая, назвал Цзян Лу полезным.

В конце последнего утреннего урока староста класса Ли Цычу пришел сообщить, что учитель английского языка официально назначил Ли Тана представителем класса.

Все произошло так быстро, что Ли Тан удивился. Неужели все решилось всего одним визитом в кабинет?

Трудно было не заподозрить, что здесь происходит что-то неладное.

Его первой задачей после вступления в должность было объяснение одноклассникам проблем английского языка.

Первым подошел Чжоу Дунцзэ, с которым он раньше играл в баскетбол. Как спортивный комиссар класса, он возвышался над столом Ли Тана, глядя на него с каким-то комичным, но жадным выражением лица.

Ли Тан серьезно относился к своим обязанностям, терпеливо начиная с азов. Это резко

контрастировало с обычными фразами учителя:

— Тебе даже не нужно смотреть на этот вопрос, ответ может быть только «С».

Чжоу Дунцзе чувствовал себя так, словно пьет из источника знаний, удивляясь, как такие подробные объяснения могут быть понятны даже детям детского сада.

Смущенный похвалой, Ли Тан ответил:

— Это потому, что у тебя хорошие навыки понимания.

После объяснения нескольких вопросов Ли Тан начал понимать метод, осознавая важность поддержки. Каждый раз, когда Чжоу Дунцзе говорил, что понял, Ли Тан хвалил его, говоря: «Очень хорошо...», «Действительно впечатляет...», «Фантастика».

Закончив отвечать на вопросы, Чжоу Дунцзе улыбнулся и сказал:

— Ты так хорошо объясняешь, тебе стоит стать учителем.

Ли Тан не смел переступить границы дозволенного, размахивая руками:

— Я всего лишь любитель, тебе стоит сначала спросить нашего учителя английского.

— Но тогда я буду называть тебя «маленький учитель», — сказал Чжоу Дунцзе. — Когда я буду задавать тебе вопросы в будущем, ты же не будешь считать меня надоедливым, верно?

— Конечно, нет.

Обучение других давало ему чувство выполненного долга.

— Здорово, — сказал Чжоу Дунцзе. — Давай проведем выходные вместе.

— Конечно.

— Тогда мы позже свяжемся через WeChat.

В полдень Ли Тан и Ли Цзычу пошли в школьную столовую пообедать. Ли Цзычу показал ему несколько киосков с более вкусной едой, и Ли Тан наконец нашел в этой школе блюдо, которое посчитал приемлемым.

Он ел мало, почувствовав себя сытым уже на середине. Он черпал яичный суп из миски без особого энтузиазма. Видя, что Ли Тан скучает, Ли Цычу заговорил с ним:

— Наш город от столицы довольно далеко. Почему ты решил приехать сюда учиться?

Ли Тан не хотел вдаваться в подробности.

— Здесь родной город моей матери, я приехал сюда вместе с ней.

— Вот это да, — воскликнул Ли Цычу. — Ты действительно почтителен.

Ли Тан взглянул на человека напротив, подумав про себя, что ему повезло, что выражение его лица было искренним, без малейшего намека на насмешку. В противном случае эти слова можно было бы легко принять за сарказм.

Они вернулись к разговору о классе, и Ли Цычу заметил:

— Мы с Цзян Лу учились в одном классе в младших классах и в первом классе старшей школы. Он всегда был представителем на уроках математики.

Ли Тан задумался.

— Кажется, учителям он очень нравится.

Ли Цычу кивнул.

— Не только учителя.

Вспомнив разговор, который он подслушал на крыше в первый день учебы, Ли Тан согласился:

— За ним бегают много девушек.

— И парней тоже много, — добавил Ли Цычу, но тут же понял, что его слова могут быть неверно истолкованы. — Не в этом смысле, но всем нравится находиться рядом с ним. Знаешь, красивые и успешные в учебе люди склонны быть немного гордыми и неизбежно смотрят на других свысока... Но не Цзян Лу. Рядом с ним приятно находиться; он никогда никого не смущает.

— Почему тогда он с вами не играет в баскетбол?

— Он говорит, что не хочет нас сдерживать. Он из тех, кто всегда думает о других. Если бы он не позволил мне занять эту должность, я бы не стал старостой класса*.

ПП: На самом деле, и здесь, и в предыдущих главах везде было употреблено слово «староста» как к отношению общего старосты класса и помощнику на каждом уроке. Чтобы не путаться, давайте разберемся и внесем ясность. Буду употреблять слово «представитель» к представителям на отдельных уроках, которых выбрали учителя, а представителя всего класса буду называть «старостой». В предыдущих главах тоже внесу ясность в ближайшее время.

Ли Тан начал понимать, почему Цзян Лу смог убедить учителя выбрать его в качестве представителя класса английского языка всего одним предложением.

Но...

— Зачем становиться старостой класса?

В глазах Ли Тана быть старостой класса означало неустанный труд на благо учителя и всего класса. Неужели кто-то действительно хотел делать это добровольно?

— Возможно, это по привычке, — откровенно объяснил Ли Цычу. — Я староста класса с начальной школы. Если бы я им не был, мне бы стало не по себе.

Ли Тан подумал, что это, возможно, проявление мазохистского склада ума, скрытого садомазохизма.

Но он сказал вслух:

— Должно быть, он хорошо тебя знает, раз знает, что ты хотел стать старостой класса.

Закончив есть, Ли Цычу отложил палочки и подытожил:

— Поэтому я и говорю, что никто не будет его недолюбливать.

Занятия в школе начались в пятницу днем после генеральной уборки, вечерних самостоятельных занятий не было.

По совпадению, дежурными учениками на первой неделе были двое учеников с последней парты четвертого ряда — Цзян Лу и Ли Тан.

Впервые столкнувшись с различными инструментами для уборки, Ли Тан, участвовавший в школьных трудовых работах, не знал, с чего начать. Цзян Лу дал ему швабру и две тряпки.

— Иди намочи их в туалете, а я подмету пол.

Ли Тан послушно пошел. Когда он мыл швабру, почувствовал жжение в ладони. Перевернув руку, он увидел в ней деревянную занозу. Он попытался вытащить ее, но не смог, поэтому решил пока оставить ее в покое.

Отнеся мокрую швабру обратно, Ли Тан заметил, что в классе появился еще один человек.

Это была та самая девочка, которая в тот день передала Цзян Лу любовное стихотворение на крыше, староста соседнего 2-го класса. Ли Тан слышал, как учительница окликнула ее по имени в кабинете: Су Циньхань.

Услышав, что кто-то вошел, Су Циньхань обернулась, прислонилась к столу и, бросив взгляд на Ли Тана, тут же отвернулась, словно его вообще не существовало.

Цзян Лу тоже посмотрел на него и сказал:

— Я еще не закончил подметать, ты можешь немного отдохнуть.

Ли Тан, получивший это задание, не имел права жаловаться. Поэтому он вернулся на свое место и лег.

Он продолжал пытаться вытащить занозу из руки. Однако заноза, казалось, жила своей собственной жизнью. После некоторых усилий рука покраснела, но заноза, похоже, вонзилась еще глубже.

Каждое прикосновение причиняло боль и легкое покалывание. Ли Тан невольно облизал губы, глядя на едва торчащую из кожи занозу, и ткнул ее один раз, затем еще раз.

Он приложил слишком много силы, и боль отдалась в нервные окончания, сотрясая мозг. Ли Тан внезапно вернулся к реальности.

Он быстро достал телефон, чтобы отвлечься.

Он спрятал телефон во внутреннем кармашке рюкзака под столом, доставая его, когда это было безопасно.

Играть было особенно не во что. Он не был заядлым игроком. Открыв групповой чат своего бывшего класса из международной школы, он понял, что не может присоединиться к разговорам, которые вели его бывшие одноклассники.

На личное сообщение Цао Ян, кто знает, чем только этот парень занят, долго не отвечал.

Ли Тан случайно открыл публичный аккаунт, в котором публиковались причудливые истории. Однако, какими бы захватывающими они ни были, они не были столь же увлекательны, как разговоры, которые происходили в других местах.

— Как насчет того, чтобы мы провели выходные вместе?

— Все еще тусуешься? Неужели директору Су нет до тебя дела?

— Зачем упоминать моего отца без причины, это раздражает.

— Ты хочешь, чтобы меня снова вызвали в кабинет на допрос?

— Эх, забудь, забудь. Ты читал стихотворение, которое я написала?

— Читал.

— Тогда, я тебя проверю. Какая последняя строчка?

— Хм, дай подумать.

— Как ты можешь все еще думать об этом?.. Эй, перестань подметать на минутку... Ты меня вообще слушаешь?!

Положение лежа на животе убаюкивало его, и Ли Тан обнаружил, что засыпает, слушая.

В своем туманном состоянии он смутно задавался вопросом: какая же была последняя строчка?

— Я люблю тебя или пожалуйста, будь со мной?

Он проснулся от тускнеющего света, резко выпрямился и, увидев высокую фигуру, расслабился.

Он встал и пошел в конец класса.

— ...Почему ты меня не разбудил?

Цзян Лу приводил в порядок инструменты и даже не поднял глаз, услышав это.

— Работы осталось совсем немного.

Су Циньхань уже ушла, и Ли Тан не понимал, как ее удалось уговорить. Чувствуя себя немного неловко, он провел пальцами по взъерошенным волосам.

— Что-нибудь еще нужно сделать?

Цзян Лу взглянул на лежащую рядом тряпку.

— Кафедра еще не протерта.

Опасаясь, что Цзян Лу подумает, что он намеренно бездельничает, Ли Тан поспешно схватил тряпку и бросился к кафедре.

Вытирая, он то и дело поглядывал на заднюю часть класса. В этот момент Цзян Лу стоял спиной к кафедре. Ли Тан заметил, что у него широкие плечи, поэтому он не выглядел слабым, несмотря на худобу.

Если взглянуть на него с этой точки зрения, то тот факт, что он был глух на одно ухо, был для него поистине огромным сожалением.

По словам Ли Цзычу, с тех пор как они стали одноклассниками, Цзян Лу не мог слышать левым ухом. Либо он таким родился, либо это произошло еще до окончания средней школы...

Да, насчет того, что он стал представителем класса по английскому языку, он его еще не поблагодарил.

По своему предыдущему опыту межличностных отношений Ли Тан привык к справедливому обмену и не был склонен к одностороннему принятию помощи от других. Поэтому он размышлял немного дольше.

Только он собрался что-то сказать, как его прервал собеседник.

— Тебе недавно приснился кошмар, — сказал Цзян Лу.

Это был не вопрос, и Ли Тан на мгновение опешил.

— Откуда ты знаешь... Я разговаривал во сне?

— Ммм, — сказал Цзян Лу. — Ты звал маму.

Он обернулся и встретился взглядом с Ли Таном.

— Ты звал три раза.

Мама, мама, мама.

...

Куда ушла мама? Неужели я ей больше не нужен?

...

Мою маму зовут Чжан Чжаоюэ, брат, ты когда-нибудь видел ее?

Внезапное нашествие неподходящих воспоминаний заставило Ли Тана резко замереть, его глаза слегка расширились.

В сумерках, под ярким белым светом ламп накаливания в классе, противоречивая натура Цзян Лу снова проявилась, раздражающая усталость, непонятная раздражительность и какие-то эмоции, близкие к апатии.

Хотя черты его лица оставались спокойными, на его губах все еще играла легкая улыбка.

Его тон был равнодушным, в нем чувствовалась легкая обеспокоенность.

Цзян Лу спросил:

— Ты все время звал свою маму, ты скучаешь по ней?

<http://bllate.org/book/13923/1226758>